

Анна Осюкина

ВОЗВРАЩЕНИЕ
СНЕЖНОЙ СОВЫ

Анна Осокина

Возвращение снежной совы

<https://litres.ru/74206339>

Аннотация

КНИГА ВЫШЛА НА БУМАГЕ! Изд. ЭКСМО Freedom ("Под знаком снежной совы")

Остаться свободной птицей или вернуть человеческий облик? Для меня выбор очевиден. Но что делать, если обратное превращение грозит смертью, а жених, чтобы не дать этому случиться, идёт на сделку с демоном и впускает того в свое тело? А тут я еще снова попадаю в передрагу: меня обвиняют в убийстве! Мало того, гость из ада, кажется, положил глаз на мою подругу.

*** Продолжение магического детектива "Под знаком снежной совы".

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	28
Глава 3	47
Конец ознакомительного фрагмента.	64

Глава 1

Летать! Чувствовать под собой бесконечные потоки воздуха, которые обволакивают тело то нежно, то жестко, почти до боли вонзаются в грудь. Летать! Ощущать, как нестерпимо громко стучит сердце, пытаюсь выскочить и раствориться в необъятных небесах. Летать! Вкушать эту свободу снова и снова, захлебываясь ею, надрывая душу пронзительным птичьим криком.

О, как я летала! Наверное, до этого и не жила вовсе. Разве может человек, не изведавший полета, утверждать, что он познал жизнь? Черта с два, я вам скажу! Никогда рожденный передвигаться на ногах не поймет существо, наделенное крыльями.

Весь день я не спускалась на землю, испытывая на прочность свое прекрасное белоснежное оперение с темными крапинками. Не чувствуя усталости, не прекращая то активно взмахивать крыльями, то просто парить. В отличие от большинства видов сов та, в которую воплотилась я, охотится в основном в светлое время суток. Однако я даже не думала о еде. Все, чего хотела моя птица, — быть частью воздушной стихии.

Такая же белоснежная сова летела рядом, почти крыло к крылу. Мама! Как же я была рада, что она со мной! Она то и дело поворачивала голову в мою сторону, окидывая вни-

мательным взглядом. Уже в сумерках, когда мы оказались в лесу, сова совершенно бесшумно опустилась на толстую ветку сосны, которая радовала взгляд насыщенным темно-зеленым цветом, в то время как остальные деревья давно скинули листья. Я уселась рядом. Удивительно, что мне совершенно не нужно было думать о том, что делать и как. Птица, повинуясь инстинктам, двигалась за меня. Я с радостью отдала ей бразды правления, ведь она столько лет томила в человеческом теле

Убийственно острые когти надежно впились в кору, несколько ее кусочков полетели на далекую землю. Думаю, начнись ураган, оторвать меня от дерева получилось бы только вместе с веткой, на которой я устраивалась на ночной отдых. Внутри царило спокойствие. Все так, как и должно быть. Веки сомкнулись сами собой. Я мирно заснула.

Однако если отключилась я вместе с птицей, то пробудилось птичье сознание гораздо раньше человеческого. Я пришла в себя, когда моя сова, резко спикировав, впилась стальными когтями в спину зайца, который беспомощно брыкался мощными задними лапами, но уже ничего не мог сделать. Он был обречен на гибель. Здесь действовали законы природы: выживает сильнейший. Одним молниеносным движением сова располосовала нежную шкуру. В клюв хлынула горячая кровь. Хищница ликовала! Не могу сравнить это ощущение с чем-либо из своей человеческой жизни. Чистый восторг. Чистое упоение.

Пока птица пиновала над добычей, все глубже вонзаясь клювом в заячью плоть, я в ужасе закрыла глаза. Забилась в темный уголок птичьего разума и, обняв колени руками, тихо покачивалась из стороны в сторону в попытках не вслушиваться в издаваемые звуки. Но где там! Слух совы острее, чем у диких зверей. А я находилась в ее голове, как раньше она — в моей.

В меня беспощадно врезалась каждая эмоция, каждый отголосок ее ощущений. И сейчас была лишь жажда убийства, вызванная голодом и инстинктом. Это пугало. Кажется, меня не так сильно взбудоражило само превращение, как то, что я могу испытывать такие ощущения. Это не было подобно сну, где мы иногда выступаем в роли стороннего наблюдателя. Я и являлась той самой безжалостной убийцей, которая наслаждается охотой. И не только потому что голодна, но и из-за того, что испытывает азарт.

Когда сова утолила первый голод, разделила кровавую трапезу с матерью, она удовлетворенно взлетела на очередную толстую ветку и принялась педантично чистить испачкавшиеся снежные перья. Она долго приводила себя в первоначальный вид, погрузившись в какое-то медитативное состояние покоя. В это время я могла подумать. И мысли оказались не самые радужные.

Первый восторг от полета прошел. Остались страх и беспокойство. Вдруг я все больше и больше буду становиться птицей, теряя себя, человеческую суть? Если я так легко в

первый день после превращения дала возможность птичьим инстинктам взять верх над человеческим разумом, что будет через месяц? А через год? Смогу ли я вернуться? Смогу ли снова преодолеть этот барьер дикой боли? Смогу ли заставить себя перешагнуть через нее, обретая возможность говорить?

Захочу ли?..

Мысли об Алексее захватили меня. Я даже чаще задышала, ощущая, как отчаянно колотится маленькое сердце. Как будто в нем физически не хватало места для того огромного чувства, которое я испытывала по отношению к этому мужчине. Он не успел сказать самые главные слова, но я все поняла по его взгляду. Он ждет. И мне так хотелось к нему! Пусть я птица, но я хочу вернуться!

Однако у матери оказались совершенно другие планы. Она снова взлетела. Я последовала за ней. Некоторое время наслаждалась полетом. Мысли Августы ушли на второй план. Но затем каким-то шестым, птичьим чувством, я поняла: мама летит на родину, подальше от этих мест.

Я стала снижать скорость, чтобы приземлиться. Мама закричала, и в резком звуке я услышала все, что она думает: она хотела, чтобы я летела вместе с ней. Я все же опустилась на землю и молча смотрела, как она описывает круги надо мной, то крича, то издавая нежные воркующие звуки, будто уговаривала меня. Но я не давала своей птице целиком завладеть мной. Крепко держала ее в руках. И совсем по-

человечески отрицательно помотала головой, надеясь, что мама поймет меня. Она смотрела ярко-желтыми глазами, и мне показалось, что в них застыли сожаление и безграничная скорбь.

Белая сова приземлилась, медленно подошла ко мне, шурша опавшими листьями, и аккуратно приблизила клюв. Повинуясь какому-то инстинкту, я опустила голову, подставляя ей шею. Мама с нежностью зарылась в мягкий подпушек. Это было настолько приятное ощущение, что я хотела замурлыкать. Она с любовью чистила мне перышки, и сердце снова защемило, только сейчас от осознания того, что на этом наши пути расходятся. Я прекрасно поняла, что этим жестом мама показала: она приняла мое решение, хотя и не может с ним согласиться.

Наконец она отстранилась и, в последний раз взглянув на меня совсем по-человечески, оттолкнулась от мерзлой земли мощными лапами и взлетела. Я долго провожала ее взглядом, от всей души мысленно желая ей счастливого пути. Медленно развернулась и поднялась на крыло, но в противоположную сторону.

Как бы ни сложилась дальнейшая судьба, я не могу не попытаться. Нужно хотя бы попробовать снова стать собой. С этими мыслями я взяла курс на тот страшный дом, где в последний раз видела дорогих сердцу людей. Не знала, застану ли там их, но с чего-то же нужно начинать.

Когда приблизилась к поместью, уже вечерело, но было довольно светло. Осколки с улицы уже убрали, однако сами оконные проемы стояли без стекол, света в них не было. Да и когда бы их успели вставить? Всего один день прошел.

Стараясь не издавать лишних звуков, я подлетела ближе. Волновалась о пане Тадеуше: жив ли он или погиб в схватке с родным братом? Но больше всего меня волновал вопрос, выжил ли сам Велислав. Если он все еще ходит по этой земле, я предпочла бы держаться от него подальше, несмотря на то, что теперь я его вряд ли заинтересую. Бесшумно села на крышу и прислушалась. Из глубины дома доносились тихие человеческие голоса, как если бы кто-то мирно вел беседы за чашечкой чая. Я напрягла и без того острый слух: женский голос и два мужских.

«Тося! — обрадовалась я. — Алексей и пан Тадеуш!»

Для верности неподвижно посидела немного, прислушиваясь: не появится ли кто-то посторонний? Но новых голосов не возникло.

Белой тенью в сгущающихся сумерках я двигалась на звуки. Облетев дом кругом, поняла, что те доносятся из кухни. Она находилась в дальней части дома, стекла здесь остались целыми. Я села на подоконник, чтобы разведать обстановку.

За дубовым столом, предназначенным для приготовления пищи сидели трое. Посередине стоял самовар, возле каждого человека — чашка. Меня уколола смутная обида. Я тут сражаюсь с тем, чтобы не потерять остатки человечности, а

они преспокойно чаевничают! Но сразу же взяла себя в руки. Неужели было бы лучше, если бы я увидела дорогих мне людей плачущими и заламывающими руки? Пока решала, как бы деликатнее подать знак о своем присутствии, Тося мимоходом взглянула в окно и ахнула.

— Августа! — закричала она. — Ты вернулась!

И бросилась открывать дверь. Я перелетела к порогу и принялась ждать, пока она возится с замком. Наконец он щелкнул. Даже в обличье птицы я постаралась сохранять достоинство, медленно и очень важно прошествовала в кухню. Мужчины тоже повскакивали, как будто я все еще оставалась человеком. Почему-то стало приятно, что они не пренебрегают правилами этикета и в такой ситуации. Хотя не исключаю, что это просто из-за моего неожиданного появления. Алексей поспешно отодвинул для меня стул, я сразу же вспорхнула на него. Но, поняв, что в таком положении из-под стола торчит только мой клюв, перебралась на самую столешницу.

Я видела, что друзья не знают, как себя вести. Даже пан Тадеуш растерялся. Первой опомнилась Тося.

— Чаю? — предложила она.

Я кивнула. Когда подруга несла чашку к столу, та слегка позвякивала о блюде. Неужели у нее трясутся руки? Из-за меня, что ли?

Я посмотрела на нее, стараясь передать взглядом благодарность. Тося робко улыбнулась, поставив передо мной по-

суду с душистым напитком. Сова не хотела это пить, но раз уж мне по ее милости пришлось попробовать кровь, ей придется потерпеть чай. Подождала, пока остальные тоже сядут, и, придвинув к себе лапой блюдо, запустила в травяной отвар клюв. Повинуясь инстинктам, тут же подняла шею, позволяя жидкости проникнуть в пищевод. Да, это определенно лучше, чем есть живого дергающегося зайца.

Мне очень хотелось расспросить их обо всем, что случилось после того, как я улетела, но птичьи возможности оказались весьма ограниченными. Поэтому я лишь обвела всех внимательным взглядом, склонила голову на бок и издала вопросительный ухающий звук. Надеюсь, что они поймут, чего я от них жду.

— Велислава больше нет, — тихо сказал пан Тадеуш.

Несмотря на то, что его брат стал чудовищем, мужчина скорбел о нем — так мне показалось.

Я кивнула, дав понять, что приняла информацию к сведению. Мы немного посидели в тишине.

Сделав несколько глотков, слово взял Алексей. Мне нравилось снова слышать его голос. На самом деле, где-то в глубине души я очень радовалась, что он здесь, но птица во мне будто не давала выразить чувства. Возможно, сейчас это к лучшему. Нам нужны трезвые головы и ясные умы.

— Мы решили, что я не буду рассказывать в рапорте о тебе. Довольно и того, что они похитили Антонину. А эту мистику и чертовщину оставим в секрете. Иначе, боюсь, меня

примут за умалишенного. И не только снимут с должности, но и упекут в соответствующее учреждение.

— Да и я очень не хотел бы открывать свое имя, — поддакнул пан Тадеуш.

— В общем, по официальной версии, которую я отражаю в докладной записке, Велислав похитил Тоню, чтобы принести ее в жертву как слугитель некоего неизвестного культа. Но тут появился зорко следивший за ним я и разрушил его планы, — Алексей криво ухмыльнулся.

— Я готова это подтвердить, — кивнула Тося.

Я повторила ее жест, понимая, что так будет лучше всего. Очень хотелось спросить, что произошло с остальными участниками всего этого непотребства. Я принялась буравить взглядом подругу, надеясь на ее сообразительность. И та не подвела.

— Один сообщник Велислава сбежал, остальные мертвы, — рассказала она.

— Обязательно укажу, что оставшиеся члены тайного ордена нуждаются в тщательной проверке, но, надеюсь, что этим заниматься буду уже не я, — продолжил Алексей. — Ожидаю, что мне дадут небольшой отпуск. Завтра же утром отправлю письмо. Хорошо, если самому не придется ехать в Петербург.

Я с сосредоточенным видом снова принялась глотать чай.

— Августа, — вдруг дотронулась до моей лапы Тося. Я вздрогнула, хотя прекрасно видела, как она тянется ко мне.

— Ты ведь прилетела, потому что хочешь вернуться? Хочешь снова стать человеком? — она с надеждой заглядывала в глаза. Не отводя взгляд, я медленно кивнула.

— Ты должна понимать, девочка, — снова вступил в разговор пан Тадеуш. — Есть вероятность, что ты не переживешь обратного превращения. Хорошенько подумай, готова ли ты к этому.

Я посмотрела на Алексея. Он сидел, чрезвычайно тихий и очень бледный. И так вглядывался в кружку, будто там показывали его судьбу. Я подошла к нему и тихонько боднула головой в плечо. Он поднял на меня голубые глаза. Слова были не нужны, я прекрасно знала, о чем он думает. Хочет снова видеть меня человеком и боится потерять окончательно.

Что ж, решать в любом случае мне, а я готова рискнуть.

Рискнуть-то я оказалась готова, только как это сделать, не имела ни малейшего понятия. Однако пан Тадеуш, кажется, мог помочь. Мы решили заняться вопросом на свежую голову с самого утра, а пока все устраивались на ночь. Я чувствовала себя не слишком уютно в страшном доме, но колдун сказал, что после смерти его брата здесь безопасно. Он был единственным наследником поместья, поэтому на правах хозяина пригласил всех остаться.

На первом этаже было холодно. Я не ощущала этого, потому что меня надежно защищали перья, но прекрасно видела, как изо ртов друзей шел пар. Однако на второй этаж

холод проникнуть не успел.

— Я вызвал стекольщика, — сказал пан Тадеуш, ведя нас по темному коридору со светильником в руке.

Я сидела на плече Алексея, наслаждаясь его теплом и запахом, и старалась не повредить ткань жилета и рубашки острыми когтями. Мурашки бежали по телу от ярких воспоминаний о том, как убегала по этому коридору от преследовавшей меня рогатой тени.

Когда новый хозяин показал Тосе ее комнату, я перелетела на ее предплечье, давая понять, что спать буду с ней. Пусть я пока и сова, но правила приличия никто не отменял. Мы ведь все старательно делаем вид, что я только немного поменяла внешность. Алексей ничего не сказал, посмотрел на нас и вздохнул.

Хотелось пообещать ему, что все будет хорошо, но я не могла. Не только потому, что совиный клюв не предназначен для таких звуков, я же все-таки не попугай, а просто потому, что не ощущала уверенности, что у нас все получится. Но отступать бессмысленно. Долго ли я смогу оставаться собой в теле птицы, или она очень скоро поглотит меня полностью?

Когда Тося закрыла за нами дверь, я перелетела на спинку стула, давая возможность подруге снять платье и подготовиться ко сну. Она то и дело поглядывала на меня.

— Знаешь, я думала, что Алексей с ума сойдет, когда ты превратилась и улетела. У него был такой безумный взгляд, как будто он сам сейчас станет птицей и рванет за тобой.

Конечно, я в какой-то степени его жалела, но и еще одно чувство однозначно присутствовало. Это было приятно. Приятно, что я вызываю у кого-то такие эмоции.

— Он любит тебя, Августа. Я это вижу.

Я издала тихий удовлетворенный звук. Подруга улыбнулась и легла в кровать.

— Придешь ко мне? — спросила она.

Я отрицательно покачала головой. На спинке кресла было вполне удобно.

— Тебе страшно? — прошептала Тося, прежде чем потушить светильник, который отдал ей хозяин дома.

И тут я задумалась. Страшно ли? Пожалуй. Наверное, нужно быть совершенно не в своем уме, чтобы не бояться того, с чем я столкнусь завтра. Если это превращение будет таким же, как тогда, когда меня чуть не обратил Велислав, я вряд ли переживу переломы абсолютно всех костей.

В своем теле я не смогла бы уснуть без снотворного, но в птичьем облике человеческие эмоции ощущались не так ярко, поэтому я серьезно кивнула. Но потом зевнула, показывая, что пора отдыхать. Тося вздохнула и задула огонь.

Как только глаза немного привыкли, я продолжала отлично видеть ее и в темноте. Все-таки есть у совы неоспоримые плюсы.

Когда я проснулась, птица уже сидела с открытыми глазами. Она внимательно рассматривала спящую Тосю. Ниче-

го враждебного по отношению к девушке она не чувствовала, но все равно было жутко — осознавать себя в теле совы. Сны-то я видела вполне человеческие. Скорее бы это закончилось.

Я взмахнула крыльями и опустилась на одеяло, под которым лежала подруга. Почему-то это напомнило тот вечер, когда я поведала ей свою тайну: она тогда в шутку спряталась от меня под одеяло.

Под весом птицы Тося открыла глаза и вскрикнула. Спронья испуг ее оказался таким натуральным, что я поспешила отойти на край кровати.

— Боже мой, Августа, ты меня напугала! Немного придя в себя, Тося поднялась и стала натягивать платье.

— Эх, сейчас бы баньку, — мечтательно протянула.

Я закатила глаза. Сейчас бы быть человеком. А банька может и подождать.

Когда она привела себя в порядок, мы спустились. На первом этаже всю работу делали стекольщики. Окна почти восстановили. Я не покидала предплечья подруги. Идти по длинным коридорам и лестницам маленькими птичьими шажками было неудобно, а летать я не решалась — слишком большой у меня размах крыльев, чтобы двигаться внутри без опаски.

Пана Тадеуша нашли на кухне, где он колдовал над скородой.

— М-м-м, как вкусно пахнет! — заявила с порога Тося.

Даже сове аромат понравился. Жареное мясо и яйца. Неплохо.

— Нам нужно хорошенько подкрепиться, — вместо приветствия сказал колдун.

Не увидев Алексея, я наклонилась к лицу подруги и аккуратно дернула ее за мочку уха клювом.

— Августа интересуется, где Алексей.

— Так вы уже и понимать друг друга научились? — улыбнулся пан Тадеуш.

Тося пожала плечами.

— Он поднялся затемно, поехал в город. Сказал, нужно кое-что уладить в местном участке с городовыми и отправить несколько писем начальству.

Я немного успокоилась. Колдун указал нам на стол и принялся раскладывать еду по тарелкам.

— Уйдут стекольщики, займемся подготовкой к обряду.

От этих слов разыгравшийся аппетит поубавился. И все же я заставила себя проглотить несколько кусков. Силы мне сегодня еще понадобятся.

Ближе к полудню, когда стекольщики закончили работу, а Тося убрала после них весь мусор и вымыла пол, Тадеуш принялся готовить огромную гостиную, в которой проходил званый вечер. Это было какое-то страшное ощущение повторения. Так же, как и в своем поместье, он расставлял большим кругом свечи, старательно выписывая из книги загадоч-

ные символы.

Я не могла за этим наблюдать, сердце начинало колотиться, словно ночной мотылек. Села на предплечье Тоси и взглядом указала на входную дверь.

— Хочешь полетать? — снова безошибочно поняла меня она.

Я кивнула. Тося открыла дверь и вышла. Почувствовав свежий влажный воздух, я тут же взмахнула крыльями и начала подниматься в небо.

— Скажи, чтобы надолго не пропадала, я уже заканчиваю, — услышала я голос пана Тадеуша, доносившийся из дома. Тося крикнула мне, передав его слова.

Над поместьем висели плотные грязно-серые тучи. Сейчас я была рада такой погоде. Она с точностью передавала мое собственное душевное состояние. Возможно, это мой последний день. В качестве птицы так точно. Я вдыхала полной грудью, носясь над лесом. Если у нас все получится, и я снова стану самой собой, никогда не смогу забыть это ощущение свободы. Полета. Ветра. Наверное, всю жизнь мне не хватало именно этого чувства. И все же я готова была отдать возможность подниматься на крыло за шанс снова стать просто Августой. Я та, кто я есть. Человек. И если придется пройти через адскую боль, чтобы доказать это, я готова.

Когда я подлетала обратно, Алексей уже вернулся в поместье. Он стоял во дворе и напряженно вглядывался в небо.

Заметив меня, он немного расслабился — видела это по положению его тела.

Разгоняя крыльями воздух, почти врезалась в него, немного не рассчитав траекторию посадки. Алексей поймал меня и прижал к себе. Осторожно, боясь повредить крылья, но все же крепко. Он запустил нос в мягкие перышки у меня на шее и замер надолго. Я тоже не двигалась, наслаждаясь его запахом и теплом.

— Я так боюсь, Августа, — прошептал он. — А что, если... Я легонько ущипнула его за щеку. Он грустно улыбнулся. На крыльцо вышел пан Тадеуш.

— Пора, — сказал он тихо.

Алексей внес меня в дом. Колдун закрыл дверь на замок и взмахом руки зажег все свечи. В довольно темной гостиной сразу стало светлее, но не уютнее. Я не хотела находиться в этом доме, но выбора не оставалось.

— Все готовы? — спросил пан Тадеуш.

И тут я поняла, что Алексей хочет находиться рядом, когда я буду превращаться в человека. Этого я допустить не могла. Одно дело, когда он увидел, как я стала красивой белой птицей. Но наблюдать, как тело будет возвращаться в привычную форму... Я представила это зрелище, и меня передернуло. Не могла, не хотела, чтобы он видел меня такой!

Я запаниковала, потому что не могла объяснить ему. Кинулась к Тосе с такой скоростью, что та отшатнулась и вскрикнула. Я принялась быстро-быстро говорить, но выхо-

дили только странные звуки, похожие не то на клекот, не то вовсе на кваканье. Я кинула эту затею и указала ей взглядом на Алексея. А потом сразу на дверь.

Подруга недоуменно на меня воззрилась.

— Кажется, Августа хочет, чтобы ты ушел, — обратилась она к Алексею.

Он растерянно глянул на меня. Я со всей скоростью, на которую была способна, закивала.

— Но почему? — тихо спросил он.

— Я не уверена, но как женщина, понимаю. Наверняка она не хочет, чтобы ты видел ее такую.

Алексей вопросительно на меня посмотрел. Я снова закивала.

Он покачал головой.

— Я никуда не уйду.

С криком я сорвалась к нему и ударила когтями в грудь. Он пошатнулся и на шаг отступил.

— Нет, Августа, ты меня не прогонишь. Я не покину дом в такой момент!

— Не нужно покидать дом, — подал голос пан Тадеуш. — Я сделаю защитный круг в той комнате, где вы ночевали. Не стоит ее волновать, — обратился он к Алексею. — Сделайте так, как Августа просит.

Алексей сжал челюсти так, что, клянусь, я слышала, как закрипели зубы. Но кивнул. Я облегченно вздохнула и снова перелетела на руку Тоси.

Мужчины поднялись на второй этаж. Я боднула подругу в плечо, и она тихо последовала за ними. Остановилась на пороге маленькой спальни. Пан Тадеуш расставил свечи вокруг стула.

— Садитесь и ждите здесь. Только никуда не выходить за пределы! Скоро в этом доме станет опасно.

Я вспомнила рогатых тварей и поежилась. Сама не хотела бы присутствовать здесь, если бы имела возможность, а он добровольно остается. К сожалению, мне никто выбора не давал.

Алексей с не слишком довольным видом уселся.

— Пожалуйста, будьте осторожны, — посмотрел он на пана Тадеуша. А потом обратился ко мне: — Но я все равно не понимаю, чем мое присутствие тебе помешало бы.

Я издала недовольный клекот.

Наша маленькая процессия спустилась.

Дольше медлить смысла не имело. Втроем мы встали в круг, который пылал огнями свечей. Я спрыгнула на пол, взмахнув крыльями, но от этого пламя даже не пошевелилось. Посмотрела на Тосю. Ее глаза возбужденно сверкали: кажется, она была полна решимости довести начатое до конца. Только от нее сейчас ничего не зависело. Но я радовалась, что она рядом.

— Готовы? — уточнил колдун.

Мы синхронно кивнули.

— Августа, я не смогу убрать боль. Моей силы на это про-

сто не хватит. А настойка в таком состоянии не действует. Так что, к сожалению, придется терпеть. Но помните обе, что выходить за пределы круга нельзя! Это может закончиться непредсказуемо.

Я видела, как Тося открыла рот, наверняка чтобы поинтересоваться, что именно может случиться. Но пан Тадеуш не ждал вопроса, а запел хорошо поставленным голосом, как батюшка в церкви.

Несколько минут со мной ничего не происходило, только обостренным зрением тут и там я замечала движения. Впрочем, не могла сфокусировать взгляд на них. Снова эти потусторонние тени, от которых все перья поднялись дыбом. Наверное, сейчас я казалась в два раза больше, чем была на самом деле. Воздух загустел. Я будто вдыхала кисель.

А потом пришла боль.

Я была к ней готова. Она не стала неожиданной. Но все же я не смогла сдержаться. Птичий крик прорезал пространство. Я упала на спину, раскинув крылья. Тело претерпевало изменения. О, снова это ужасное чувство! Много бы отдала за то, чтобы больше не слышать, как ломаются мои собственные кости и щелкают суставы.

Глаза застилала красная пелена. Перья истончались и вытягивались под кожу, на их месте оставались белые бугорки. Полагаю, я выглядела как полуощипанная курица. Лишь одна мысль билась в пустой голове: хорошо, что Алексей этого не видит. Я не перенесла бы, если б явилась перед ним вот

таким странным существом.

Крылья снова становились похожими на руки. Почему-то самым болезненным оказалось не изменение позвоночника, отрастание пальцев. Я закричала с новой силой. Отчаянно. Громко.

До полного превращения было далеко, я чувствовала это. Я стала человеком примерно наполовину. И понимала, что больше не выдержу.

— Не могу-у-у! — взывала, катаясь по полу и тем самым причиняя себе еще больше страданий. Все, чего я хотела, — чтобы это закончилось.

Рядом со мной упала Тося и взяла в ладони мою голову.

— Августочка, миленькая, держись, уже почти все, ты уже почти выглядишь как человек! — она проговаривала сквозь рыдания.

Пан Тадеуш продолжал читать заклинание, ни разу не сбившись с ритма. Кажется, я умоляла убить меня, просила закончить все это, но никто не внял моим словам.

После очередного нечеловеческого крика наверху что-то с грохотом рухнуло. А через три секунды в гостиной появился Алексей.

Колдун перестал читать заклинание. Я по-прежнему ощущала боль во всем теле, но без его голоса превращение остановилось.

— Назад! — крикнул Тадеуш. — Беги в свой круг!

— Накрой меня, — прошипела я сквозь сжатые челюсти

Тосе. Я пользовалась короткой передышкой, борясь с дурнотой.

Подруга набросила на меня простыню, которую предусмотрительно взяла в круг.

— Я не уйду! — воскликнул Алексей. Упрямец!

Мир сузился до этого мужчины. Я видела, как со всех сторон к нему подбираются тени, но он их словно не замечал.

— Идиот! — завопил пан Тадеуш. — Давай в наш круг!

Но было поздно.

Тени облепили его темным коконом, я слышала, как они что-то говорят, шепчут. Их заинтересовал человек. Алексей замер, прислушиваясь и кивая. А потом громко произнес только одно слово:

— Да!

Тени завихрились вокруг него ураганом. На пару секунд я забыла о своем истерзанном и изломанном теле. А потом все резко прекратилось. Как море расступилось перед Моисеем, так тени расплылись в разные стороны перед Алексеем и замерли. Это завораживало и пугало.

Он огляделся вокруг так, будто оказался здесь в первый раз, размял шею и криво ухмыльнулся лишь одной стороной лица, сверкнув желтыми глазами.

Желтыми?..

— Какой же ты идиот, — почти беззвучно простонал пан Тадеуш.

Алексей подошел к границе круга.

— Сними барьер, — попросил спокойно.

— Нет! — твердо ответил колдун.

Боясь прикоснуться ко мне, чтобы не причинить еще больше страданий, Тося просто сидела рядом и тихонько гладила меня по волосам.

— Ты сам знаешь, она может не пережить превращения внутренних органов. Она уже слишком слаба. Я чувствую, что ее покидает жизнь, — он говорил так спокойно, словно меня здесь не было, а ему, в общем-то, плевать, что здесь происходит.

Колдун замолчал. Я медленно уходила в какое-то странное заторможенное состояние, почти перестала воспринимать происходящее вокруг. Мне было практически все равно, что случится, выживу я или нет. Только бы больше не ощущать боли.

— Даю слово, вас никто не тронет. А я могу ей помочь. Сними барьер.

— Поклянись.

Алексей расхохотался, но резко замолчал, буравя пана Тадеуша взглядом.

— А ты не так прост, — продолжал ухмыляться он. — Что ж, я даю клятву, что никто из них не тронет ни одного человека из этого круга.

— И ты никак не навредишь нам.

— Клянусь, что ничем не наврежу вам. Доволен? Открывай.

— Нет, пусть они уйдут! — не сдавался колдун.

— Ладно, уговорил.

Теперь голоса доносились до меня как через подушку. Я не понимала, что происходит. Улавливала события, но не их смысл.

— Августа! — услышала испуганный возглас Тоси, когда мои глаза закатились. — Пан Тадеуш, сделайте что-нибудь! Она... она... — подруга зарыдала.

А потом я почувствовала, как кто-то аккуратно поднимает меня. В нос ударил запах лосьона, которым пользовался Алексей. Но было уже все равно. Я безвольно повисла на его руках.

— Давай, заканчивай! — раздался ровный и спокойный голос.

Колдун запел. Краем сознания я приготовилась к новой вспышке боли, на крик сил не оставалось. Но ничего не случилось. На смену страданиям пришло блаженство. Колдун пел, а я словно парила в облаках. Продолжала слышать пощелкивания суставов, встававших на свои места. Но ничего не чувствовала. В тело пришла легкость и расслабленность.

Наконец пение прекратилось. Повисла тишина. Единственным звуком, который я слышала, было биение сердце Алексея, потому что прижималась ухом к его груди.

— Августа, — тихо позвал он, — открой глаза.

Сперва я не хотела этого делать. Да и вообще не знала, смогу ли. Но внезапно обнаружила, что это не пробле-

ма. Веки задергались, словно крылья бабочки, и поднялись. Первое, что увидела перед собой, сфокусировав взгляд, — удовлетворенную ухмылку на лице любимого мужчины и до невозможности чужие желтые глаза. Впрочем, когда он моргнул, цвет снова стал голубым. Я нахмурилась. Показалось? Или?..

— Алеша, — прохрипела я, в горле словно раскинулась раскаленная пустыня. — Что ты наделал?..

Глава 2

Алексей продолжал сжимать меня, слегка прикрытую простыней, глядя серьезно и встревоженно. Пройгнорировав вопрос, он спросил:

— Болит что-нибудь?

Я сосредоточилась на внутренних ощущениях. Нахмурилась. Попробовала пошевелить пальцами ног и рук. Удивленно вытянула перед собой кисть, рассматривая конечность, будто провела в теле совы не два дня, а несколько лет. И снова посмотрела в его лицо.

— Нет.

— Совсем ничего?

— Говоришь так, словно надеялся на другой ответ, — даже нашла силы на то, чтобы съязвить, хотя чувствовала безумную усталость и еле могла шевелить языком.

— Глупая, — улыбнулся он и поцеловал меня в лоб. — Я думал, умру там в неизвестности, слыша твои крики.

— Это не давало вам права выходить из круга! — вдруг вклинился до того молчавший пан Тадеуш. — Вы, сударь, идиот!

— Она не выжила бы! — воскликнул Алексей, начиная злиться. — А вы слишком слабы, чтобы убрать еще и ее боль!

— Это он так сказал? — колдун тоже стал кипятиться.

— А разве он не прав? Я сам видел, что она умирает!

Они так расшумелись, что я застонала: от криков разболелась голова. Спорщики разом замолчали.

— Что такое? — всполошился Алексей, не меняя позу: так и продолжал сидеть в самой середине круга, сжимая полуголую меня в объятиях.

— Не орите так, пожалуйста, — взмолилась я. — Тося... Подруга с готовностью подскочила ко мне.

— Принеси мне воды, прошу.

Та кивнула и убежала в кухню, чтобы через полминуты появиться с полной чашкой. Я долго и жадно пила, две струйки текли мимо рта по подбородку, шее и груди, впитываясь в простыню. Господи, лучше не думать, что туда еще впиталось. Тело при превращении выделяло какую-то прозрачную липкую жидкость. Я и сейчас вся, с ног до головы, была покрыта ею. Она засыхала на коже неприятной коркой.

— Если ты сможешь нагреть мне хотя бы немного воды, чтобы смыть это, я тебя просто зацелую. Когда отмоюсь, — слабо улыбнулась я Тосе.

Очень хотелось спать, но больше — убрать с себя слизь. Тося всхлипнула и чуть ли не вприпрыжку побежала выполнять просьбу.

— А вы расскажите мне, что произошло. Пожалуйста, — посмотрела сперва на одного, а потом на второго мужчину.

Алексей встал почти без усилий, не выпуская меня из рук, и переместился на диван. Его одежда тоже была безнадежно испорчена.

— Что произошло?! — пан Тадеуш зажег несколько свечильников и погасил ритуальные свечи. — А я скажу, что произошло. Этот, с позволения сказать, господин, впустил в себя демона!

Я дернулась и испуганно посмотрела на державшего меня Алексея.

— Это правда?..

Он только хмурился и глядел мне в глаза, не мигая и ничего не говоря.

— Конечно, правда, или ты думаешь, в нем вдруг дар целительства проснулся?

— Алеша? — Мне нужно было услышать это от него.

— Да, это правда, — упавшим голосом ответил он.

— И где он сейчас?.. — Я пыталась понять ситуацию, потому что пока смутно представляла, с чем мы столкнулись.

— Внутри меня. Притаился. Ждет.

— Ждет чего?

— Да, чего, Алексей? — снова бросил язвительную реплику пан Тадеуш. — Расскажите-ка нам, какую сделку вы заключили?

— Сделку? — не поняла я.

Колдун собирал свечи в корзину, недовольно поглядывая в нашу сторону.

— Жизнь Августы взамен на мое тело. Он может пользоваться им, когда ему это потребуется.

Я прикрыла веки. От услышанного закружилась голова.

Внутри моего любимого мужчины сидит страшная тварь. Когда-то моя прапрабабка, познакомившись с существами, обитавшими внутри Велислава, сбежала от него, несмотря на сильную любовь. Но страх победил. Она вышла замуж за другого, чтобы не видеть больше этого человека. Что будет с Алексеем? Не случится ли нечто подобное, как с покойным колдуном?

— Навсегда или на время? — выдавила я.

— На всю мою жизнь, — тихо ответил Алексей.

— А душа? — как ни было страшно, я хотела узнать все.

— Только тело. На душу он не посягает.

Пан Тадеуш цокнул языком и вышел из гостиной. Мы остались одни.

— Зачем ты это сделал?..

В голове не укладывалось. Что теперь будет?

— Я не мог слушать твои крики, Августа. Я... — он пытался подобрать слова, — я люблю тебя.

Худший момент для признания в чувствах придумать сложно. И все же он это произнес. Искреннее. Хмурясь — видимо, боялся увидеть реакцию, которая причинит ему боль. Я лежала в его руках и вглядывалась в голубые глаза, пытаясь отыскать в их глубине желтые искорки. Но их не было. Здесь только Алексей. И все равно сердце сжималось. Смогу ли я принять его таким? Смогу ли быть рядом, зная, что внутри него порождение зла? Как это повлияет на его будущие поступки? Не станет ли он беспощадным убийцей?

Я видела, что он ждет какой-то реакции. Но что я могла сказать? Что теперь ничего не знаю? Из последних сил собралась с духом.

— Алеша, я...

— Твоя ванна готова, солнышко, — вбежала запыхавшаяся Тося. — Нагрела и натаскала несколько ведер. Вымыться хватит.

Я облегченно вздохнула, пользуясь отсрочкой.

— Отнесешь меня? — слабо улыбнулась Алексею. Сейчас я не смогла бы сделать и шагу. — Пожалуйста.

Он кивнул. Я была благодарна, что он не стал продолжать разговор. Пока я к нему не готова.

Как же я радовалась, что рядом со мной Тося! Чувствовала себя слишком слабой, чтобы нормально поднять руку, но никак не могла лечь в кровать, пока все тело покрывала засыхающая липкая жижа. Однако просить Алексея или пана Тадеуша помочь вымыться было бы выше моих сил. Я умерла бы со стыда!.. Да, колдун однажды заботился обо мне, когда я лежала с переломанными пальцами, но тогда все ощущалось по-другому — из-за действия настойки мне вообще на все было наплевать.

Я с радостью приняла помощь подруги, хотя и испытывала неловкость, что Тосе приходится возиться со мной. Она помогла залезть в ванну, вымыла меня до скрипа кожи. Особенное внимание уделила волосам. Они снова стали длинны-

ми. И не просто отросли, а оказались намного длиннее, чем были до всех событий, произошедших за последние месяцы, и теперь опускались ниже талии, доставая почти до ягодниц.

Подумать только: прошло каких-то два месяца, а я пережила столько всего, что впору мемуары писать!

Не помню, как добралась до кровати. Конечно, без помощи Тоси и здесь не обошлось. Кажется, я заснула по пути.

Утром я проснулась в странном состоянии: у меня ничего не болело! Почему-то, несмотря на потустороннюю помощь, я ожидала каких-то последствий вчерашних метаморфоз. Но нет. И голова не беспокоила.

Я обнаружила, что мне нечего надеть. Не в том смысле, когда женщина мечется между несколькими нарядами, а в итоге понимает, что ни один не подходит, а в самом прямом. Из одежды на мне оказалась лишь мужская рубаша, доходящая до середины бедер. Подозреваю, вчера ее дал Тосе пан Тадеуш. Я обернулась в одеяло и хотела идти в комнату рядом, будить подругу, чтобы вместе подумать, во что мне одеться. Но когда открыла дверь, то обнаружила на ручке вешалку с темно-синим шерстяным платьем и ботинки, в которых я приехала в этот злополучный дом на свидание с Велиславом. О, как я обрадовалась! Ходить босиком не входило в мои привычки. Платье пришлось впору. Казалось странным надевать его без нижнего белья, да и теплые чулки не помешали бы, но все же это уже мелочи. Доберусь до своего поместья — будут мне и наряды, и чулки, и обувь.

Когда я вошла к Тосе, она заплетала косу.

— Доброе утро, — улыбнулась я.

— Августа! Как же я рада, что ты снова человек! — Тося кинулась меня обнимать. — А мне, представляешь, снился кошмар, будто ты снова улетела!

— Все хорошо, Тось, я тут. Но если ты меня не выпустишь, я рискую задохнуться, — прохрипела под натиском ее нежности.

Она поспешила отпустить меня.

— Прости, трудно сдерживать чувства, — немного смутилась Тося. Но не слишком. Уж в очень хорошем настроении она пребывала, чтобы обращать внимание на такие мелочи. Да и я после пережитого пересмотрю свои взгляды на многие вещи. Буду учиться у Тоси ее непосредственности. У нее все как-то легко получалось. Общаться, находить сведения, да даже кокетничать! Она не имела ни гроша за душой, но вовсе не страдала от этого. Искренне привязывалась к людям и так же искренне была готова отдать последнее ради их счастья. И я бесконечно радовалась, что встретила такого человека.

Болтая о мелочах, мы спустились в гостиную. По привычке пошли в кухню, но там никого не оказалось. Однако голоса откуда-то доносились. Мы пошли на них и вскоре набрели на столовую, в которой за большим столом уже сидели мужчины.

На завтрак подали чай, молоко, свежий хлеб с маслом и кашу. Я с удовольствием набросилась на нормальную еду.

Хорошо, что обошлось без мяса. Кажется, я еще нескоро смогу на него смотреть, пусть и на хорошо приготовленное.

Сперва ели молча. Но когда дошли до чая, завязался разговор.

— И что дальше? — первой не выдержала Тося.

Я посмотрела на нее и улыбнулась.

— Поедем отвоевывать мое поместье, конечно же.

Ее глаза в предвкушении загорелись.

— Наконец-то! Я этого ждала. Вернем тебе твой дом!

Я кинула взгляд на Алексея — он смотрел на мою подругу. Внимательно, изучающе, как будто в первый раз увидел. И этот взгляд мне не слишком-то понравился.

— Я поеду с вами, — сказал он, переводя взор на меня.

— Отказываться не буду, помощь может оказаться не лишней.

Нам определенно нужно поговорить наедине и объяснить-ся. Но прямо сейчас есть вопросы важнее.

— Пан Тадеуш, а вы остаетесь в Минске или уезжаете к себе в Несвиж? — снова подала голос Тося.

Колдун как-то неопределенно пожал плечами.

— Пока не знаю. На некоторое время задержусь, а там, может, и в путешествие подамся. Я давно нигде не был. А раньше мы с Велиславом не могли долго сидеть на одном месте, — он тяжело вздохнул.

Я представить себе не могла, каково это — убить собственного брата. Родного человека. Удастся ли ему простить

себя? Меня кольнула совесть: это ведь случилось из-за меня. Но потом я взяла себя в руки. Велислав потерял всякую человечность. Не думаю, что от его рук пострадала только я. Наверняка и многие другие. В любом случае, пан Тадеуш оказал этому миру огромную услугу, избавив его от своего родственника.

Экипажем, который мы взяли у пана Тадеуша, управлял Алексей. По своему обыкновению, всех слуг новый хозяин успел распустить, хотя для поддержания столь большого дома в нормальном состоянии ему все равно придется кого-то нанять. Но это меня уже не волновало. Мне нужно было решить вопрос со своим поместьем и сахарной фабрикой.

Больше чем на два месяца я выпала из жизни производства. Это большой срок. Добросовестно ли доверенный выполнял свои обязанности? Конечно, за это время он не смог бы нанести существенный вред, но совершить несколько неправильных шагов — вполне. Ситуация усугублялась еще и тем, что я не имела понятия, кого именно назначил губернатор править делами в мое отсутствие. За те несколько дней, что я провела в своем доме перед тем, как отправиться с Михаилом в Несвиж, ничего толком выяснить не удалось. Няня лишь сказала, что пару раз приходил молодой человек, буркнувший, что теперь он ведет дела. Агафья не расслышала имя, а переспрашивать не решилась. Да и вел он себя, по ее словам, не слишком вежливо. Что поделать? Немногие

помещики считали крепостных за полноценных людей.

Я решила, что буду решать проблемы по мере их поступления. Для начала: добраться домой и переодеться. А потом пойти на прием к губернатору, чтобы объявить, что я вернулась, и заявить права на наследство, в которое я как бы уже вступила, но все же формально не могла им пользоваться. Если понадобится, подам в суд. Вообще не понимаю, почему согласилась с таким странным решением: сослать меня в пансионат до достижения совершеннолетия. Наверное, была слишком расстроена смертью бабушки, чтобы предпринимать какие-то шаги. Зато теперь я чувствовала решительность. Энергия была ключом. Я жаждала действовать. Забрать свое себе. Никто не сможет отобрать у меня наследство! Последние события только закалили мой характер. Теперь я не та скромная девочка, которая предпочитала проводить дни в библиотеке. Теперь я, Августа Константиновна Савина — владелица одного из крупнейших производств по переработке сахарной свеклы в Северо-Западном крае Российской Империи. И нужно вести себя соответственно.

Мы с Тосей ехали молча. Она то и дело поглядывала на мое сосредоточенное лицо, но не решалась заговорить. За это я была ей благодарна. Требовалось о многом подумать, настроиться на нужный лад. Сердце забилося чаще, когда я увидела дом, в котором выросла. Теперь уж я не собиралась ни от кого прятаться.

Алексей спрыгнул с козел и открыл дверцу ландо. Он по-

дал руку мне, затем Антонине. Я на миг замерла перед входом и сделала глубокий вдох. Дом, милый дом!

Из калитки выбежал мальчишка, сын тетки Марьи, нашей кухарки. Он сначала побледнел, а потом закричал:

— Августа Константиновна! Вы вернулись!

Я не стала скрывать рвущуюся наружу улыбку.

— Да, Андрюша, я вернулась! Открывай ворота! — с чувством резанула воздух ребром ладони сверху вниз.

Паренек поторопился исполнить приказ.

— Заведи экипаж да распряги лошадей, — кинула я ему все еще с улыбкой, заходя в дом.

На шум уже спешила Агафья. Она с переполошенным видом выглянула на крыльцо, кутаясь в серый шерстяной платок.

— Мать Божья, Августушка!

С резвостью, совершенно не соответствующей ее возрасту, перепрыгивая через ступеньки, няня поспешила ко мне. Я, зная о ее больных коленях, кинулась навстречу.

— Нянюшка! Как же я соскучилась!

Та обняла меня крепко-крепко и разрыдалась.

— Уж я думала, все... Не увижу вас больше!

Я и сама еле сдерживала слезы. Краем глаза увидела, что Алексей и Тося смотрят на нас с совершенно одинаковыми лицами, на которых отчетливо читалась растерянность. Все, Августа, соберись. Дел еще очень и очень много.

— Ну, полно, полно. Я вернулась и больше никуда не де-

нусь, — поспешила заверить няню.

— Можно помирать спокойно, — вздохнула она.

— Эй! Агафья Никифоровна! — притворно строго прикрикнула на нее. — Никаких мыслей о смерти! Ты еще моих детишек нянчить будешь, понятно?

Няня засмеялась сквозь слезы и, отстранившись, принялась вытирать щеки.

— Ну, пойдем в дом! — скомандовала я. — А то совсем замерзнем.

Она будто о чем-то вспомнила и, понизив голос, затараторила:

— Ой, Августушка, так у нас там этот... доверенный. В кабинете Петра Дмитрича кофий попивает.

— Ой, как замечательно-о-о, — протянула я, чуть ли не потирая руки. Не придется идти к губернатору, чтобы выяснить имя этого господина. Сейчас сама обо всем узнаю.

Настроение было боевое и приподнятое, хотелось голосом рыночного зазывалы крикнуть Алексею и Тосе: «Ну что, гости дорогие, проходите в мой дом!» Разумеется, я сдержала этот недостойный приличной девушки порыв, но все же пригласила спутников внутрь, пусть и не с таким размахом.

— Нянюшка, распорядись, чтобы Марья нам чаю заварила, — попросила, растирая озябшие пальцы.

Я видела, что Алексей хочет подойти ко мне, даже протянул руку, чтобы взять мою, но я сделала вид, что не заметила. Я не успела подумать о том, как именно отразилось на

моем отношении к Алексею то, что теперь в нем сидит демон. С одной стороны, я была ему очень обязана, ведь только благодаря его вмешательству стояла здесь. С другой, нечто внутри меня отгородилось от него.

Смутно знакомый молодой мужчина, появившийся на лестнице, избавил меня от необходимости возвращаться к вопросу с Алексеем прямо сейчас. Где-то я определенно видела этого господина. Но вот где? Может, на одном из светских приемов?

Он строго взирал на нас.

— Что здесь происходит? — спросил он довольно грубо.
— Кто вы и что здесь делаете?

Я выступила вперед.

— Добрый день, сударь. Меня зовут Августа Константиновна Савина. Это мой дом. И я хотела бы задать вам тот же вопрос.

Он как-то странно переменялся в лице. Это не был испуг, но нечто похожее. Впрочем, он почти сразу же взял себя в руки и, высокомерно задрав подбородок, стал не торопясь спускаться.

— Борис Владимирович Карпов, — представился он. Остановился в двух шагах от меня. — Ваш доверенный.

Он не сводил с меня колючего взгляда светло-карих глаз, не удостоив ни толикой внимания моих спутников, что уже само по себе казалось некрасиво.

— Что ж, Борис Владимирович, приятно с вами, наконец,

повидаться, но теперь я попрошу покинуть мой дом.

На вид ему было не больше тридцати-тридцати пяти лет, однако при моих словах он так сморщил лоб, что его избороздили глубокие морщины.

— По закону, я имею полное право находиться здесь, сударыня, — процедил он.

— Я так не думаю. Я устала и хочу побыть наедине с друзьями. Простите за грубость, но меньше всего сейчас хочу препирательств с совершенно чужим мне человеком.

— Августа Константиновна, вы не имеете права!

— А мне кажется, очень даже имею, — я вздернула подбородок и упрямо буравила его взглядом снизу вверх.

— Я на вашем месте послушал бы хозяйку дома, сударь, — вдруг подал голос Алексей, как бы невзначай откидывая полу сюртука и обнажая кожаную кобуру с револьвером.

— Я буду жаловаться губернатору! — побледнел мужчина.

— Ваше право, — кивнула я. — А сейчас убирайтесь!

— Мне нужно забрать мои вещи. — Он хотел подняться, но Алексей заступил ему путь.

— Агафья, принеси господину Карпову его верхнюю одежду.

— Так вот же, шляпа и пальто, — услужливо проскрипела няня, снимая их с вешалки возле входа.

— Наверху остались мои бухгалтерские книги! — разозлился Карпов.

— Мои бухгалтерские книги, вы хотели сказать? — сделала я акцент на первом слове.

Он издал какой-то странный пыхтящий звук. Грубо схватил у няни из рук одежду и, хлопнув дверью так, что затряслись стекла в прихожей, выскочил из дома.

На полминуты повисла звенящая тишина, которую вдруг нарушили редкие хлопки Тоси. Она качала головой, уважительно глядя то на Алексея, то на меня.

— Такой красивый и такой негодяй! — как всегда емко заключила подруга, а потом продолжила: — Это было впечатляюще, друзья мои. Но знаете ли вы, что столь бесцеремонно выгнали племянника губернатора?

От ее слов я опешила.

— Откуда ты?.. — Потом покачала головой: это же Тося. Она каким-то образом, как фокусник вынимает кролика из шляпы, то и дело выкладывает нужные сведения. — Когда ты собиралась мне об этом сказать?

Я устало стянула пальто. Его, как и ботинки, заботливо сохранили и передали мне перед выездом из поместья Велислава.

Тося потупилась и, кажется, покраснела.

— Прости, я узнала это еще до твоего превращения в сову, да как-то забыла рассказать. А потом и повода не представилось...

— А, плевать, — я махнула рукой, проходя в столовую. — Пусть делает, что хочет. Я все равно никому не позволю

тут хозяйничать.

Посмотрела на Алексея и выдавила из себя улыбку:

— Спасибо. Хотя я справилась бы и сама.

— Я знаю, — он кивнул. — Просто немного ускорил уход неговорчивого гостя.

Я не могла смотреть на него и не думать о том, что где-то внутри скрывается потустороннее существо. Но все же была благодарна ему за поддержку.

Пока обедали и пили чай, пока я беседовала с крепостными, выясняя, что да как тут происходило в мое отсутствие, день стал клониться к вечеру.

Алексей поднялся с дивана возле камина, на котором довольно уютно устроился.

— Мне пора, Августа, — он замялся. — Поздно уже.

Я тоже встала с кресла. Молчала. Медлила. Не знала, что сказать. «Доброй ночи, увидимся завтра»? Или что-то в духе: «Спасибо за все»? Или... Мы оба молча смотрели друг на друга, когда Тося нарочито громко прочистила горло. Я метнула взгляд на нее: она смотрела на меня так, будто я взяла у нее займы очень крупную сумму и не собиралась отдавать. Я сделала страшные глаза в ответ. Тося поджала губы и чуть заметно покачала головой. Я прекрасно знала, что она имела в виду, и сдалась.

— Алеша... — сделала паузу. — Дом большой. Может, останешься в гостевой спальне?

Он облегченно вздохнул. А может, мне показалось?

— Ну, если ты настаиваешь...

— Нет, я...

— Она настаивает, — подошла подруга и довольно ощутимо наступила мне на ногу.

Я еле сдержала стон. Да что она себе позволяет?!

— Да, настаиваю, — покорилась я. — Оставайся столько, сколько нужно. Это меньшее, что я могу сделать за мое спасение.

От Алексея не ускользнуло Тосино движение, но он даже не попытался скрыть смешок, лукаво сверкая глазами. Слава богу, обыкновенными, человеческими — голубыми. Теперь пришла моя очередь поджимать губы. Мне кажется, или мною беспощадно манипулируют? Ну, я вам еще покажу Августу Константиновну! Просто сейчас устала и хочу наконец лечь.

— Агафья! — громко кликнула я.

Из глубины дома слышались шаркающие шаги. Пожалуй, нужно поселить в городском особняке кого-то из молодых крепостных, жаль нянюшку все время дергать. Она уже не в том возрасте, чтобы подскакивать на каждый мой зов.

— Что, Августушка? — няня вошла в гостиную.

— Покажи моим гостям, какие они могут занять спальни, — распорядилась я, а потом обратилась к Алексею и Тосе: — Хочу лечь пораньше, а завтра с самого утра примусь за ревизию бухгалтерских книг. Пора вливаться в дела производства.

Я расчесывала волосы на ночь, стоя перед большим напольным зеркалом в дубовой оправе, когда в дверь тихо поскреблись. Почему-то я была уверена в том, кто пожаловал.

— Да, Тось, входи!

— Как ты узнала, что это я? — возмутилась она, закрывая дверь.

Я пожала плечами, все еще глядя в зеркало. Оборачиваться не имело смысла: и так прекрасно видела подругу в отражении. Как и я, она осталась в тонкой ночной рубаше.

— Няня в такое время уже спит, другие крепостные ко мне не пошли бы, Алексей вряд ли решился бы... Остаешься только ты.

— Вот именно! — Она села на мою кровать. Теперь я не могла ее видеть, поэтому повернулась, продолжая расчесывать длинные локоны. Не то чтобы я была недовольна, что они внезапно так отросли, но это казалось очень странным. Зато теперь я снова могу делать высокие прически и заплетать косу.

— Боюсь, не совсем понимаю, о чем ты.

— О том, что вы ведете себя как два идиота, — Тось бесцеремонно ткнула в меня пальцем.

Я нахмурилась, но не стала перебивать. Иногда из ее уст выходили действительно важные мысли.

— Ты любишь его?

М-да. Вот так, в лоб. Я опустила глаза.

— Это сложно, Тось... Его — люблю. Но он теперь там не один. И это... жутко... — призналась я.

— Допустим, — согласилась она. — Но так ли это ужасно? Я аж поперхнулась.

— Ты в своем уме?! Он впустил в себя демона!

— «Он впустил в себя демона», — скривившись, передразнила подруга. — И что? Пока лично тебе этот демон не сделал ничего плохого. Наоборот, спас от верной смерти. Так, может, стоит быть хотя бы немного благодарной?

Я ловила ртом воздух и не находила, что сказать.

— Взамен это существо получило возможность ходить по земле среди живых. Ты понимаешь?

— И что? Это как-то влияет на твои чувства к Алексею?

— Тося покачала головой. — Ну, возможно, я ошиблась, и это не любовь вовсе.

Я опустила глаза, тихонько подошла к кровати и села рядом, положив голову подруге на плечо. В груди отчаянно ныло, и я не знала, отчего испытываю такое чувство.

— Тосенька, я не знаю, что мне делать... — тяжело вздохнув, сказала я.

— Вам нужно поговорить. Решить все раз и навсегда.

— Не знаю, что ему сказать.

Тося легонько дернула плечом, я подняла голову и посмотрела ей в глаза.

— Скажи все как есть. По крайней мере, он заслуживает правды.

Глава 3

Тося ушла, а я долго лежала, потушив свечу. Несмотря на усталость, сон не шел. Ворочалась с одного бока на другой. Кровать, моя любимая мягкая постелька, сейчас не приносила никакого удовольствия. Мне было то жарко, то холодно. А все из-за мыслей: именно они не давали покоя. Он заслуживает правды? А что я могу сказать, если сама не разобралась в себе до конца? Но Тося, как всегда, права: поговорить необходимо. Нельзя просто делать вид, будто между нами ничего не происходит. Хотя, если честно, такой соблазн присутствовал.

Промучившись еще полчаса, я поняла, что не смогу сомкнуть глаз, пока не расставлю все точки над «і». Встала и, накинув на плечи теплый халат, босиком вышла из комнаты. Только когда оказалась у двери спальни Алексея, поняла, что, возможно, он уже давно спит. Замерла, прислушалась — ни звука. Эх, иногда так не хватает острого птичьего слуха! И все же решила: тихо-тихо постучала и, не дожидаясь ответа, приоткрыла дверь.

В глаза сразу кинулся его силуэт на фоне окна. Еще не успев раздеться, Алексей стоял, опираясь на оконный косяк, и смотрел в ясное лунное небо.

— Здравствуй, — подумав, что он не расслышал мой стук, я возвестила о своем присутствии.

Алексей издал тихий смешок.

— Ну здравствуй.

Он не обернулся, хотя голос звучал довольно мягко. Ободренная этим, я подошла ближе, остановившись в шаге от него.

— Красивый месяц сегодня, — я попыталась начать разговор, чувствуя, что первый он не заговорит.

— Красивый, — эхом откликнулся гость и еле слышно вздохнул.

— Мы можем поговорить? — после очередной неловкой паузы спросила я.

— А мы сейчас что делаем? — чуть растянул губы в улыбке он, но на меня упрямо не смотрел. Подозреваю, что до глаз улыбка не дошла.

Я вздохнула. Как же с ним непросто! Неужели обиделся?

Я преодолела оставшееся между нами расстояние и аккуратно взяла его за руку. Не встретив сопротивления, переплела свои пальцы с его. Так мы постояли в полной тишине несколько минут. Потом я потянула его к кровати. Он безропотно подчинился. Я все не выпускала его ладонь, безвольно лежавшую в моей.

— Алеша, я боюсь, — объяснила как можно мягче. — Очень боюсь того, кто сидит внутри тебя. Это неправильно, противоестественно и противоречит всякому здравому смыслу.

Алексей помолчал немного, обдумывая мои слова.

— Утром я уеду, — тихо сказал он наконец. — Мои дела в Минской губернии завершены, пора возвращаться домой. Так что можешь не волноваться, я ничем больше тебя не беспокою.

От этих слов у меня перехватило дыхание. Он все неправильно понял! Боже святой, насколько легко меня понимает Тося и насколько трудно донести что-то до этого человека. Или я действительно не умею выражать чувства? Ну как ему показать, что у меня на сердце? Я и хотела бы рассказать всю правду, все, что у меня внутри, да не получалось. Не могла подобрать слова, не знала, как выразиться. И все же я понимала, что чем дольше молчу, тем яснее он принимает молчание за согласие. Но это было не так!

Сердце бешено колотилось, но тело оцепенело. Ладони потели. И внезапно я поняла, что нужно сделать. Резко приблизилась к его лицу — Алексей непроизвольно отшатнулся.

— Августа, что...

Договорить он не успел: мои губы нашли его. Этот поцелуй вовсе не походил на те, которые случились в съемной квартире в день перед превращением. Тогда мы оба дышали страстью. Сейчас же прикосновение вышло какое-то неловкое и дерганное. Так дерзкая гимназистка могла порывисто поцеловать своего учителя. Я чуть отстранилась и попыталась взглядом передать то, что не могу сказать словами. И, о чудо, он понял! Я узнала это по глазам, которые в свете луны казались серебристыми. Кто-то словно щелкнул пальцами —

я почувствовала в нем перемену. Почти физически ощутила, как между нами по кирпичику рушится невидимая стена.

Он больше не стал медлить: впился губами в мои, прижимая меня к себе крепко — не вырваться. Да я и не думала вырваться. Как будто весь напор, который он тщательно сдерживал в себе все это время, изливался на меня. Мы оба тяжело дышали, ощущая дыхание друг друга. В какой-то момент я оказалась у него на коленях лицом к лицу. Не без помощи его рук халат соскользнул с моих плеч и упал на пол. Я осталась в тонкой ночной рубашке, через которую отлично чувствовала каждое прикосновение его пылающей жаром кожи.

— Я не хочу, чтобы ты уезжал, — наконец смогла прошептать ему в ухо. Мои пальцы коснулись его обнаженной кожи под рубашкой. Алеша не таясь исследовал мою шею губами.

Я прекрасно понимала, что в этот раз мы уже не остановимся, но это не пугало. Наоборот, хотелось взять все, что он может мне предложить. Но внезапно он замер, накрыл мои ладони своими, останавливая. Я непонимающе уставилась на него. Грудь высоко вздымалась, я хотела продолжения этих сладких и мучительных ласк. Но он мягко удерживал меня.

— Почему, Августа?

— Что почему? — я облизала вдруг ставшие сухими губы.

— Почему ты не хочешь, чтобы я уезжал?

Его лицо было так близко... От аромата кожи кружилась голова. Я медлила, не решаясь произнести это вслух. Он потерся носом о мою щеку, еле слышно выдохнув:

— Скажи мне это.

И я сказала. Словно бросилась в омут с головой. Вниз с обрыва. На одном дыхании, чувствуя слабость в руках и ногах:

— Я люблю тебя.

Сердце выпрыгивало из грудной клетки, казалось, что я вот-вот лишусь чувств. Но Алеша не дал мне больше раздумывать: снова приник ко мне, сокращая оставшееся расстояние между нами. Одним резким движением он поднялся, удерживая меня под ягодицы, а в следующее мгновение я уже оказалась на кровати, надежно укрытая его телом. До безумия приятно было ощущать эту тяжесть на себе. Он зарылся в мои волосы, шумно втягивая их запах. Внизу живота поселилось приятное томление.

Вдруг он резко отстранился. Я непонимающе посмотрела в его... желтые, как у волка, глаза и ахнула.

— Не хочу прерывать вас, голубки, но в дом проник кто-то посторонний. Я его чую.

На знакомом лице проступила чужая мимика, тон стал насмешливым. Я собиралась оттолкнуть демона от себя, но он первый скатился на бок и одним грациозным движением оказался возле кровати и, не говоря ни слова, босиком направился к двери.

— Куда ты? — зашипела я.

— Посмотрю, кто это, — пожал тот плечами.

Я нашла взглядом кобуру, висевшую на спинке стула, на

цыпочках метнулась к ней и протянула оружие.

— Мне это не понадобится, — оскалился демон.

— Тебе, может, и нет, а вот Алексею — очень даже. Возьми! — упрямо процедила я.

Тот хохотнул и, словно играючи, забрал револьвер.

— Жди здесь!

— Вот еще! — я вздернула подбородок.

Демон закатил глаза и обратился в пустоту:

— Успокой свою дамочку.

— Августа, пожалуйста, подожди здесь, — глаза на миг снова поменяли цвет.

Я в растерянности кивнула. Слишком все это было невероятным.

— Спасибо, Мефистофель, — сказал Алексей перед тем, как раствориться в темном коридоре.

Мефистофель?!

На несколько минут я замерла у двери, изо всех сил вслушивалась в тишину спящего дома. Черт бы побрал человеческие уши, которые не улавливают столько важного! По голым щиколоткам гулял сквозняк, я начала замерзать в рубашке, поэтому на цыпочках вернулась к кровати и завернулась в халат, надежно завязав пояс. А потом принялась водить в полутьме взглядом, ища какое-нибудь оружие. Не могу я просто так ждать, когда по моему дому разгуливает недоброжелатель. Самая опасная вещь, которую обнаружила, — кочерга для камина. Кованая, тяжелая. Я сразу почув-

ствовала себя чуть более спокойной, когда ощутила прикосновение металла к ладони. Крепко сжимая импровизированное оружие, решительно переступила через порог.

Ночную тишину взорвал выстрел. Сразу за ним еще и еще один. Я кинулась на звук, который раздавался откуда-то со стороны дедушкиного кабинета. Пока бежала, слышала, как начинают хлопать двери внизу — это повскакивали крепостные.

Затормозила я только у открытой двери кабинета.

Широко расставив ноги, демон стоял у распахнутого настежь окна. Картина завораживающая, конечно, но явно не в такой момент.

— Что случилось? — бросила я испуганно.

Мефистофель уставился на меня янтарными глазами и расплылся в улыбке.

В кабинет влетела растрепанная Тося, воинственно сжимая в руках точно такую же, как и у меня, кочергу.

— Что произошло?! — выпалила она, запыхавшись.

Демон сверкнул улыбкой и чуть ли не раскланялся, как актер после представления.

— Видели бы вы, как я его напугал! Паф, паф, паф! — Он направил револьвер на окно и сделал вид, что снова стреляет.

— Кто это был? — не выдержала я его ребячества.

— Да мне почем знать? Мужик какой-то, шарил тут по столу.

— Карпов! — в один голос ахнули мы с Тосей.

— Где он? Ты ранил его? — я продолжила допрос, хотя догадывалась, что именно тот ответит.

В коридоре слышались громкие шаги. К нам приближались слуги, в темноте мелькали огоньки светильников.

— Сбежал, — признался демон. А потом обратился ко мне обличающим тоном: — Если бы я применил свои способности, он никуда не делся бы. Но грех не воспользоваться такой интересной игрушкой! — Он так взмахнул рукой с револьвером, что мы с Тосей непроизвольно отшатнулись.

Странно было слышать слово «грех» из уст потустороннего существа, но думать над словами и формулировками времени не было. Пришлось на несколько минут покинуть кабинет, чтобы успокоить крепостных и отправить их спать или хотя бы на первый этаж, чтобы под ногами не путались.

Когда я вернулась, прихватив масляную лампу, Тося стояла какая-то потерянная, а демон наполовину вылез в окно и что-то там осматривал. Когда он снова полностью оказался внутри, я поняла, что передо мной опять Алексей.

— Спустился по лозам винограда, — заключил он. — Пойду проверю, может, Мефистофель его ранил.

— Мефистофель? — подняла брови Тося.

— Так зовут демона, — сказал Алексей, на ходу взводя курок. — Но он разрешил называть себя Мефисом.

Я кинулась к нему наперерез.

— Алеша, не ходи! Вдруг он там еще?

— Вот именно, нужно проверить, — он мягко взял меня за плечи и отодвинул со своего пути. Тон был такой, что я поняла: мне его не остановить.

Он быстро обулся и накинул сюртук. Мы с Тосей проводили его до самого выхода, но во двор не пошли. Алексей так глянул на нас, что мы, переглянувшись, решили: будет лучше не перечить ему сейчас. Взяв фонарь, он пошел вокруг дома. Мы вместе с несколькими слугами томились в прихожей. Долго ждать не пришлось. Буквально через несколько минут Алексей вернулся.

— Ну? — Тося нетерпеливо переминалась с ноги на ногу.

— Там никого нет, — спокойно и серьезно рассказал Алексей. — Думаю... — он замялся, глядя на слуг. — Думаю, я в него не попал. Он спустился по винограду и сбежал.

— И прихватил с собой две бухгалтерские книги, — продолжила я. Пока находилась в кабинете, успела быстрым взглядом пробежаться по столешнице, чтобы понять: кое-чего не хватало. — Ох, не нравится мне это. Завтра же поеду на производство, чтобы убедиться, что в мое отсутствие фабрика хотя бы работала.

— Он пытается скрыть какие-то темные делишки, не иначе, — подала голос Тося. — Испугался, что ты о чем-то узнаешь.

— Думаю, ты права, — я широко зевнула, прикрывая рот ладонью, но все равно вызвала у подруги ответную зевоту.

Испуг схлынул, на его место пришла усталость. Я поняла,

что очень хочу спать.

— Давайте все обсудим завтра, пора отдохнуть.

Тося, не желавшая расставаться с кочергой, поднялась с ней на второй этаж, крепостные разошлись по комнатам на первом. Мы остались с Алексеем наедине. Повисла пауза. Не то чтобы неловкая, но я не знала, что сказать.

— Я провожу тебя в комнату, — улыбнулся он, стирая остатки смущения.

— Спасибо.

Уже около самой двери он взял мою ладонь и прижался к ее тыльной стороне горячими губами. Поцелуй вышел вовсе не такой, которого требуют правила этикета: слишком интимный и многообещающий. От одного этого прикосновения внизу живота потеплело.

— Давай не будем торопиться, — сказал Алексей, перед тем как уйти в свою комнату.

Кажется, мы начинали понимать друг друга. Я желала этого человека всем своим естеством. Но без дополнения в виде демона, который прочно обосновался в его теле и, судя по всему, вовсе не собирался никуда уходить. Поэтому не торопиться — лучший выход из всех возможных.

Под утро небо затянул плотный слой туч, так что покидать постель не хотелось. Я встала с головной болью. Ничего, крепкий чай все исправит.

Когда спустилась, из столовой доносились приглушенные

голоса. Почему всегда получается, что я прихожу на завтрак последняя?

За столом сидела раскрасневшаяся Тося: она нервно хихикала, как маленькая девочка. Никогда не видела ее в таком состоянии. Я посмотрела на Алексея, который ловко расправлялся с толстыми ноздреватыми блинами, но когда тот поднял глаза и пожелал доброго утра, я поняла, что передо мной вовсе не Алексей. Это начинало раздражать. Какого демона этот... демон появляется, когда ему вздумается?

— Что здесь происходит? — не слишком приветливо начала я беседу, усаживаясь за длинный стол, застеленный белой скатертью.

— Я рассказывал Тосе, как смеялся над Бельфегором, когда она его уделала своей молитвой, — демон захохотал, как мальчишка. И так это искренне у него выходило, он даже голову запрокинул! — Нечасто бывает такое представление.

Тося вспыхнула до кончиков ушей и опустила глаза. Не понравилась мне ее реакция, но я решила не придавать этому особого значения.

— Когда ты здесь, Алексей слышит, что происходит вокруг?

— Угум-с. — Демон уплетал блинчики, не забывая обмакивать их в сметану. — Но завтрак — мой. Давно я не наслаждался вкусом земных блюд. Это так... Божественно! — заключил он, аж причмокнув от удовольствия.

Тося хрюкнула от смеха. Я не разделяла ее веселья, но уже

поняла, что Мефистофель любит играть словами.

— Кто со мной на фабрику? — спросила я, накладывая себе на тарелку еду. Первый глоток крепкого горячего чая — вот что было действительно божественным. Я будто сразу же ощутила, как боль, сковывающая виски, стала отпускать.

Тося подняла руку.

— Я! Возьмешь? Никогда не видела, как делают сахар!

— Поехали, — улыбнулась я. Сказать по правде, имелась у меня в отношении этой умной головы некоторые планы.

— Я тоже никогда не бывал в таких местах, — демон закончил с блинчиками и налег на кофе, морщась от удовольствия. Видеть непривычную мимику на любимом лице было по меньшей мере странно. Вроде и внешность Алексея, а, даже не меняйся у него цвет глаз, сразу определила бы, что не он. Слишком по-разному они вели себя.

Алеша всегда сосредоточенный, иногда говорит с иронией, но это тоже выходит у него довольно серьезно. А в манерах Мефистофеля сквозит легкость и какая-то вечная насмешливость... Тьфу, как я могу сравнивать человека с демоном?

После завтрака мы с Тосей поднялись, чтобы приготовиться к поездке. Алексей остался ждать внизу, сказав, что пока распорядится насчет экипажа и лошадей. Теперь я спокойно могла ездить в своем экипаже, никого смущаться или бояться я не собиралась. Да, мне еще предстоял разговор с губернатором, но сегодня нужно начать разбирать дела непо-

средственно с производства.

— Тось, что это было в столовой?

— О чем ты? — насторожилась подруга.

— Ну, ты так мило беседовала с... Он же демон!

Она снова покраснела.

— Он просто рассказывал мне смешную историю.

— Очень смешная! Мы тогда с тобой чуть не посидели,

— напомнила я, натягивая перчатки.

Крадущаяся в полутьме рогатая тень навсегда запечатлелась в памяти. Тогда нас спасло лишь то, что Тося начала читать молитву.

Подруга немного смутилась.

— Да, но из его уст это звучало забавно...

— Боже святой! Тося! — я закатила глаза, даже не зная, что ответить. Хотелось сказать, что понятия «демон» и «забавно» плохо совместимы. — Он демон. Точка!

— Ты только и знаешь, что твердить: демон да демон. Между прочим, пока он не сделал нам ничего дурного. Скорее наоборот, спас тебя, защищал дом...

Я непонимающе захлопала ресницами, глядя на нее.

— Ты его что, выгораживаешь? — вкрадчиво поинтересовалась.

Тося сжала пухлые губы в тонкую ниточку.

— Глупости какие. Всего лишь обращаю внимание, что ты не совсем к нему справедлива.

Я снова закатила глаза. Дожили.

По дороге мы заехали в лавку со сладостями, где я купила несколько больших пряников.

— Может, все-таки вернешь нам Алексея? — спросила у Мефистофеля, когда подъезжали к фабрике. — Не пугай мне крепостных своими глазами, тем более у них дети есть.

Он о чем-то на несколько секунд задумался, как будто вел внутренний диалог, потом поцокал языком и недовольно сказал:

— Ладно.

Показалось, что обращался он вовсе не ко мне. Наверное, так оно и было. Закрыв глаза, а когда открыл, они снова стали голубыми. Я немного расслабилась. За несколько дней, проведенных бок о бок с демоном, я уже не боялась его так панически. В качестве бесплотных теней демоны страшили меня гораздо больше. Но все же внутреннее напряжение не покидало, когда я знала, что вместо любимого человека рядом находится существо из потустороннего мира. Пока Мефистофель вел себя довольно прилично. Я надеялась, что так пойдет и дальше.

Алексей несколько раз моргнул и помотал головой, прогоняя наваждение. Я положила руку в кожаной перчатке ему на колено.

— Ты как? — спросила участливо.

— В порядке, родная, — он улыбнулся и положил ладонь поверх моей, чуть сжав ее.

Он еще ни разу не называл меня так. Внутри стало тепло, будто землю осветили яркие лучи, хотя на них даже намек не было. Наоборот, моросил мелкий противный дождь.

Экипаж остановился. Мы прибыли в загородное поместье. Алексей вылез первым и помог выбраться мне, а потом и Тосе. Я осмотрелась. На большой территории располагались и дом, и множество мелких хозяйственных построек, и само здание фабрики. Втянула знакомый запах. Как давно я сюда не приезжала!

Завидев экипаж, на крыльцо поместья вывалили несколько ребятишек мал мала меньше. В одних рубашках да платьицах, без верхней одежды, они побежали нам навстречу.

— Августа Константиновна! Августа Константиновна! — наперебой кричали они.

Я расставила руки, детишки кинулись обнимать меня, визжа от радости и что-то рассказывая. Вот кого мне все это время не хватало! Самые младшие дети тех крепостных, которые постоянно жили в загородном поместье. Я начала доставать из бумажного пакета угощения и отдавать каждому в руки. От их счастливых улыбок я и сама сияла.

— А теперь быстро в дом! Быстро-быстро! А то простудитесь!

Дети с криками побежали обратно. Алексей положил руку мне на плечо и, склонившись, прошептал в самое ухо:

— Ты удивительная.

От его слов по телу побежали мурашки. Но задуматься

над ощущениями мне не дали: своим появлением мы всполошили не только детей. Со всех сторон к нам заспешили взрослые, народ собирался очень быстро. Они улыбались. Я видела, что они искренне рады меня видеть. Дед всегда старался обеспечить своих работников всем необходимым, а они за это платили преданностью и любовью. Несколько семей даже скопили достаточную сумму, чтобы выкупить себя. Дед никогда не препятствовал таким стремлениям, хотя я знала помещиков, которые ни за какие деньги из принципа не позволяли крепостным уходить. Раньше я не понимала, почему некоторые крестьяне, имея возможность стать свободными, ничего не меняют в жизни. Но после отказа собственной нянюшки от вольной осознала, что свобода нужна далеко не всем. Большинство, похоже, все устраивало. Они имели кров и пищу, нормальные условия труда. Стань они свободными, лишились бы многих удобств.

Около нас полукругом собралось дюжины полторы крепостных. Я поздоровалась с каждым по имени и коротко объявила, что вернулась и теперь буду часто здесь бывать.

Последним подошел Александр Петрович, управляющий фабрикой. Он не был крепостным, дед нанял его почти сразу после того, как занялся переработкой свеклы, и ни разу не пожалел об этом. Выглядел еще не очень старый мужчина весьма озабочено.

Я окликнула высокого и худого рыжего мужика:

— Вань, покажи моим гостям, как у нас здесь все устро-

ено. Сможешь?

Тот с готовностью кивнул и махнул, чтобы друзья шли за ним. А мне предстоял важный разговор с Александром Петровичем.

Мы пили чай в гостиной. Сначала Александр Петрович задумчиво сербал горячий напиток, потом посмотрел мне в глаза и, поджав губы, перешел сразу к делу.

— Не нравится мне этот Карпов.

На меня он тоже, конечно, впечатление произвел не самое благоприятное. Особенно после ночного происшествия, в котором, я не сомневалась, виноват именно он. Но было интересно послушать мнение со стороны.

— Почему же?

— Да подозрительный он тип, Августа Константиновна. Я нахмурилась.

— Он успел как-то навредить фабрике?

— Нет, что вы. Я не позволил бы ни в коем случае!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.